

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-27-45

УДК 81'42

СОЗДАНИЕ ИРОНИИ И ЕЁ ПЕРЕВОД В РАССКАЗАХ Г. БЕЛЛЯ

Акашева Т.В., Рахимова Н.М.

В настоящей статье рассматриваются механизмы создания иронии в рассказах Г. Белля и анализируются способы их перевода на русский язык. Актуальность исследования обусловлена когнитивным подходом, позволяющим выявить средства выражения и передачи иронии.

Цель. *Целью является лингвокогнитивный анализ создания иронии в художественном дискурсе и исследование переводческих стратегий переноса иронического дискурса в текст перевода.*

Методы и материалы. *Материалом послужили 39 контекстуальных примеров, отобранных методом сплошной выборки из рассказов Г. Белля.*

Методы исследования: *лингвокогнитивный анализ, метод описания, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ и интерпретация.*

Результаты. *В результате исследования было выявлено, что используемый для концептуализации окружающей действительности иронический текст содержит высказывание, в котором одновременно возникает два и более смысла, при этом они либо сосуществуют, либо подменяют друг друга. Г. Белль создает ироническую модель ситуации посредством столкновения фреймов и их объединения в одной модели ситуации, в результате чего возникает новый иронический эффект за счет факторов когнитивного и лингвистического характера. Задача переводчика художественного текста состоит в том, чтобы понять авторский замысел и сделать успешный трансфер в другую культуру. Для этого переводчик обращается к фреймовым структурам понятным реципиенту принимающей культуры.*

Область применения результатов. *Результаты данного исследования могут использоваться при дальнейшем изучении когнитив-*

ных особенностей текста. Кроме того, выводы, сделанные на основе сравнительно-сопоставительного анализа эмпирического материала могут быть использованы в переводоведении и стилистике.

Ключевые слова: лингвокогнитивные аспекты иронии; переводческая стратегия; фреймовые структуры; лингвистические и экстралингвистические факторы; художественный дискурс.

CREATION OF IRONY IN STORIES BY H. BÖLL AND ITS TRANSLATION

Akasheva T.V., Rakhimova N.M.

This article discusses the mechanisms of creating irony in the stories of H. Böll and analyzes the ways of their translation into Russian. The relevance of the study is due to the cognitive approach, which allows to identify means of expression and transmission of irony.

Purpose. Purpose of the study is a linguistic-cognitive analysis of the creation of irony in artistic discourse and the study of translation strategies for transferring ironic discourse to the translation text.

Methods and material. The material served as 39 contextual examples, selected by the method of continuous sampling from the stories of H. Böll.

Research methods: linguocognitive analysis, description method, contextual analysis, comparative analysis and interpretation.

Results. As a result of the research, it was revealed that the ironic text used for conceptualizing the surrounding reality contains a statement in which two or even more meanings arise simultaneously, and they either co-exist or replace each other. H. Böll creates an ironic model of the situation by colliding frames and combining them in one model of the situation, resulting in a new ironic effect due to cognitive and linguistic factors. The task of the translator of an artistic text is to understand the author's intention and make a successful transfer to another culture. To do this, the translator refers to the frame structures understandable to the recipient of the host culture.

Practical implications. The results of this study can be used to further study the cognitive features of the text. In addition, the conclusions

made on the basis of comparative analysis of the empirical material can be used in translation and stylistics.

Keywords: *linguistic and cognitive aspects of irony; translation strategy; frame structures; linguistic and extralinguistic factors; artistic discourse.*

Наблюдения за литературными текстами обнаруживают, что авторы используют иронию не только с целью эмоционально-эстетического воздействия на читателя, но и для выражения своей интенции. Традиционный подход, трактующий иронию как художественный прием или троп, не всегда позволяет в полной мере описать иронию и оценить успешность ее перевода на другой язык. Однако ирония, как сильное средство реализации авторской интенции и создания полисемического контекста, крайне редко исследуется с точки зрения перевода, чем и обусловлена новизна выбранной темы. Актуальность исследования: лингвокогнитивный подход, позволяющий выявить средства выражения и передачи иронии.

Гипотеза исследования заключается в том, что для понимания авторского замысла и успешного трансфера иронии в другую культуру переводчику необходимо учитывать не только лингвистические особенности, но и когнитивные аспекты иронии.

Целью исследования является лингвокогнитивный анализ создания иронии в художественном дискурсе и исследование переводческих стратегий переноса иронического дискурса в текст перевода. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: выявление лингвистических и когнитивных механизмов создания иронии в рассказах Г. Белля, анализ приемов перевода и определение их функциональной нагрузки в тексте оригинала и перевода.

Изучение феномена иронии привлекало внимание исследователей различных направлений от философии античности до современной теории перевода. В настоящее время интерес к иронии усиливается, самые различные аспекты этого явления становятся объектом изучения отечественных и зарубежных ученых.

Исторический подход представлен в работах П.П. Гайденко [10], Т.Т. Гайдукова [11], А.Ф. Лосева [17]. Как одну из форм коми-

ческого, иронию рассматривают М.С. Каган [15], Ю.Б. Борев [7], В.Я. Пропп [22] и др.

В работах М.С. Власоваи О.А. Сычева [9], Ю.М. Малиновича [18], И.П. Тарасовой [24], К. Bibok [29], W. Berg [28], E. Ockel [39], H. Weinrich [42], H. Bowles [30], I.L. Falkum и A. Vicente [33], S. Kolesnikova, E. Burskaya и A. Chibisova [37], D. Papadopoulou и H. Clahsen [40] ирония анализируется с лингвистической точки зрения. В них разработаны механизмы создания иронии, типологии средств художественной выразительности языка, а ирония интерпретируется как стилистический прием и средство переосмысления отношения к действительности.

Наиболее интересным для нашего исследования представляется изучение иронии в тексте художественных произведений. В частности, в работах Л.В. Бабиной [3], J. Leei D.L. Schallert [10], Т.В. Акашевой и Н.М. Рахимовой [2] описываются языковые средства реализации пародийной информации в тексте литературной прозы. Исследования Н.К. Салиховой [23] посвящены функциональной характеристике иронии и ее роли в художественной литературе. Ж.И. Фомичева [25], Н. Нестерова, Е. Наугольныхи Е. Поздеева [20], N. Rakhimova, T. Akasheva, L. Pavlova, I. Pulekha, Y. Vtorushina [41] исследуют средства создания иронического дискурса в литературных произведениях и вопросы его переводимости.

На материале немецкого языка в отечественной лингвистике и литературоведении чаще всего рассматривается романтическая ирония: это работы А.Б. Ботниковой [8], М.П. Блиновой [6], Т. Akasheva, N. Rakhimova, T. Emets [27], а также ирония в постмодернистских произведениях: Г.А. Фролов и Л.Ф. Хабибуллина [26].

В настоящей статье рассматривается явление иронии в художественном произведении с лингвокогнитивной точки зрения. Методологической базой для анализа иронического контекста послужили исследования следующих ученых: Т.А. ван Дейка и В. Кинча [12, 13], В.З. Демьянкова [14], Е.С. Кубряковой [16], М. Минского [19], А. Cienki [31], D. Divjak, N. Levshina и J. Klavan [32], V. Glebkin [34], J.P. Koenig и A.R. Davis [36]. Такой подход позволяет выявить линг-

вистические формы выражения иронии, определить контекстуальные условия, а также проанализировать переводческие стратегии переноса иронического дискурса в текст перевода. Частично данный аспект представлен в работах M. González, P. Roseano, J. Borràs-Comes и P. Prieto [35], Т.В. Акашевой, С.А. Песиной, Н.М. Рахимовой и Е.В. Землянухиной [1].

Методологической основой исследования являются основные положения когнитивной теории, лингвистического анализа художественного текста, разработки современного отечественного и зарубежного переводоведения, определяющие перевод как коммуникативный акт, результат которого обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Ведущим методом исследования данной проблемы является лингвокогнитивный анализ, сопоставительный анализ исходного и переводного текста с последующим анализом приемов передачи отношений между оригиналом и переводом на коммуникативно-прагматическом уровне. Кроме того, были использованы методы описания, контекстуального анализа и интерпретации.

Материалом послужили 39 контекстуальных примеров, отобранных методом сплошной выборки из рассказов Г. Белля.

Когнитивный подход отвечает современному воззрению на мир не как на отдельные элементы, а как на систему постоянно взаимодействующих событий, явлений, фактов, включающих ценностно-эмоциональное отношение к миру. В когнитологии основной упор делается на знания, а текст рассматривается как своеобразная иерархия знаний: «когда мы строим или декодируем текст, то имеем дело не с языком, как таковым, а со знанием, которое язык выражает или передает» [21, с. 102]. Когнитивные механизмы представляют собой способы концептуализации, категоризации, обработки и структурирования разнообразных знаний, следовательно, к ним люди обращаются при производстве и понимании текстов. Когнитивные механизмы описываются в терминах фреймов. Вслед за Т.А. ван Дейком под фреймом понимаются не произвольные выделяемые «куски» знаний, а единицы знания, организованные в кон-

цептуальные системы, вокруг некоторого концепта, содержащего основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциируемую с тем или иным концептом. Они имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять или описывать то, что в данном обществе является «характерным и типичным» [13, с. 16–17].

Ирония представляет собой речемыслительный процесс, включающий взаимодействие знаний на самых различных уровнях, начиная от языковых и заканчивая общими знаниями человека о мире, наряду с накопленным им опытом взаимодействия с окружающей средой и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

В художественном тексте ирония представляет собой многомерное явление. Автор создает ироническую модель ситуации посредством намеренного столкновения фреймов и их неожиданного объединения в одной модели ситуации. В результате столкновения фреймов возникает новый иронический эффект, таким образом, ирония создается за счет факторов когнитивного и лингвистического характера при столкновении индивидуального и стереотипного. В ироническом контексте языковые единицы получают необычную интерпретацию, а знакомые модели ситуации рассматриваются с неожиданных ракурсов.

Используемый для концептуализации окружающей действительности иронический текст содержит в себе высказывание, в котором одновременно возникает два и даже более смысла, при этом они либо сосуществуют, либо подменяют друг друга. Следовательно, для постижения смысла требуется столкновение лингвистического и экстралингвистического контекстов, ведь с когнитивной точки зрения «понимание включает многоуровневый процесс, в ходе которого реципиент сталкивается с необходимостью выбора и ограничения вариативности не только на традиционных языковых уровнях – синтаксическом, грамматическом, лексико-семантическом, но и когнитивном. Когнитивная модель рассматривает понимание как процесс, происходящий одновременно» [1, с. 5].

При интерпретации иронии реципиент сталкивается с необходимостью выбора не только на традиционном лингвистическом уровне, но и когнитивном уровне для построения собственной модели ситуации. Несмотря на то, что художественный текст жестко не ограничивает модель ситуации, языковая база текста не позволяет приписать ироническому контексту произвольную интерпретацию.

Более жесткие требования предъявляются к переводчику, так как выведенная им модель ситуации в идеале должна быть тождественна авторской модели. Задача переводчика заключается в ее выражении лингвистическими средствами другого языка.

Ирония трудно поддается переводу, так как текст переносится в иную культуру и воспринимается читателями, зачастую не владеющими языковой базой текста оригинала. Все это усложняется тем, что читатель воспринимает иноязычный художественный текст через призму своих знаний, представлений и только в контексте своей культуры. Основной проблемой и сложностью для переводчика является не языковой материал исходного текста, а, прежде всего, передача иронического подтекста, так как для ее порождения и понимания требуется привлечение сложных когнитивных структур и процессов.

Рассказы Г. Белля пронизаны многозначностью, глубоким философским смыслом, а герои постоянно попадают то в трагические, то в комические ситуации, то есть ирония является неотъемлемой частью его рассказов. Ирония в прозе Г. Белля, являясь структурной категорией текста, создается намеренным столкновением моделей ситуации, что является следствием взаимодействия фреймов, противопоставленных в плане выражения и содержания иронического высказывания. Неожиданные межфреймовые связи приводят к тому, что в одной модели ситуации иронического дискурса происходит взаимодействие фреймов, ведущее к созданию дуплановости или даже многоплановости. Например, рассмотрим фрагмент известного рассказа Г. Белля *“Mein trauriges Gesicht“* («Мое печальное лицо»)[5].

„Mein Herr“, gab ich zurück.

„Es gibt keine Herren“, rief ich zornig, „wir sind alle Kameraden“.
«Послушайте, господин... – откликнулся я.

Какой еще господин?! – воскликнул он гневно. – Мы все соплеменники».

В исходном тексте на немецком языке мы наблюдаем столкновение двух фреймов: в первой фразе *Herr* – это нейтральное обращение к лицу мужского пола. В ответе актуализируется значение *господин, хозяин*, означающее в данном контексте неравенство. Далее по тексту встречается слово *Kameraden*, предполагающее равенство людей, связанных, прежде всего, военной службой. Вертикальный контекст, знание военной и послевоенной эпохи, и, прежде всего, контекстуальное окружение, создают иронический эффект. В русском переводе [4] мы также наблюдаем столкновение двух фреймов *господин* как обращение и как лицо более высокого социального статуса. Однако переводчик отказывается от *товарищей*, предлагая *соплеменники*, что вполне оправданно. При выборе слова *товарищ* модель ситуации на русском языке отражала бы обращение, характерное для советского времени. Выбор слова *соплеменник* обоснован, вероятно, желанием переводчика показать общность людей одной нации, одинаково равных перед законом. Следовательно, если бы переводчик не произвел замену, то ирония была бы потеряна. Таким образом, в данном примере только благодаря замене при переводе в тексте перевода возникает иронический смысл.

Иногда автор расставляет подсказки, чтобы обратить читателя на второй план: *Und als ich diese meiner Mutter ohne Zögern mitteilte, bat sie mich, ihn erst einmal „zu sich kommen zu lassen“ – И когда я без колебаний поделился своей тревогой с матерью, она попросила дать дяде Фреду возможность «сперва прийти в себя».*

В данном примере ирония была передана с помощью кавычек, самого простого способа создания иронического эффекта, что сохраняется и при переводе.

Грустная щемящая ирония, отражающая антифашистские взгляды Г. Белля, при переводе рассказа “Onkel Fred” («Дядя Фред») получила развитие за счет активизации у русскоязычного читателя идеологических фреймов: *Er kam an einem Sommernachmittag aus dem Kriege heim, schmucklos gekleidet, als einzige Besitz eine Blechbüchse an einer Schnur um dem Hals tragend sowie beschwert*

durch das unerhebliche Gewicht einiger Kippen, die er sorgfältig in einer kleinen Dose aufbewahrte (Белль, 2003) – Он пришел не в парадном мундире, и единственной его регалией была консервная банка на веревке, болтавшаяся у него на шее, а единственным багажом, не обременявшим тяжестью, – несколько окурков, которые он заботливо хранил в портсигаре. Как можно видеть, немецкий иронический фрагмент построен на столкновении фреймов владение имуществом *Besitz* и описанием скудности этого имущества *Blehbüchse, Dose*. Это необходимо автору, чтобы показать полную опустошенность вернувшихся с войны, как в материальном, так и душевном плане. При переводе *Besitz* передается как *регалия*, так как для русскоязычного читателя признаком торжества победы являются награды, отличительные знаки и привилегии, то есть регалии. За счет неожиданного столкновения фреймов *регалии, консервная банка* создается иронический эффект в тексте перевода. В этом же примере ирония усиливается благодаря лексической замене при переводе *schmucklos gekleidet* на *не парадный мундир*.

В следующем примере из этого рассказа ироническая модель ситуации создается путем неожиданного столкновения в одном контексте фреймов *das Deutsche Reich* и *Urin: Er behauptete, dass das lebhafteste Interesse des Deutschen Reiches für seinen Urin ihn mit erheblichem Misstrauen erfüllt habe, dass er in sechs Jahren Krieg bedenklich bestätigt fand* – Дядя Фред уверял, что живой интерес великой Германии к его моче вселил в него глубокое недоверие к рейху, которое за шесть лет военной службы полностью оправдалось.

В переводе ирония усилена, так как *das Deutsche Reich* передается как *великая Германия*, а столкновение в одном контексте фреймов *великая Германия* и *моча* еще более подчеркивает авторскую позицию Г. Белля, не принимавшего вторжения государства в личную жизнь, а также гражданскую позицию переводчика.

В следующем фрагменте в языке оригинала создана ироническая модель ситуации, реализованная за счет столкновения фреймов *Besitz – Ruhe: Aber ich bewahre meine Ruhe, weil sie fast mein einziger Besitz geblieben ist* – Но я стараюсь сохранить хладнокровие, потому что, кроме него, у меня, пожалуй, уже ничего не осталось.

Переводчик прибегает к использованию антонимического преобразования *Besitz* и *ничего*, что несколько снижает ироничность фрагмента на русском языке.

В следующем примере модель иронической ситуации создается за счет столкновения религиозного термина с положительной коннотацией *Pilgerschaft* и описанием разрушенного города и сломленных войной людей: *Er war früher Buchhalter gewesen, und als die ersten vier Wochen auf unserem Sofa vorüber waren, forderte meine Mutter ihn mit schwesterlicher Sanftmut auf, sich nach seiner alten Firma zu erkundigen – er gab diese Aufforderung behutsam an mich weiter, aber alles, was ich ermitteln konnte, war ein absoluter Trümmerhaufen von zirka Achtmeter Höhe, den ich nach einstündiger mühsamer Pilgerschaft in einem zerstörten Stadtteil auffand – В мурное время он был бухгалтером, и когда истекла четвертая неделя его пребывания на нашем диване, мать с сестринской кротостью попросила его узнать, как идут дела у фирмы, где он прежде служил, однако это задание дядя Фред втихую перепоручил мне, а я после долгих и утомительных поисков в разрушенной части города не обнаружил ничего, кроме груды битого кирпича метров в восемь высотой. В данном случае переводчик отказывается от использования в переводе слова «паломничество». Ведь паломничество имеет сакральное значение для всех христиан, а, следовательно, никак не может быть связано с агрессией, разрушением и всем тем, что несет собой война. Более того, переводчик, видимо, желает подчеркнуть жестокие последствия военных действий и избегает иронического описания трагедии, которую влечет за собой война.*

Итак, как показал проведенный анализ 39 контекстуальных примеров, переводчик всегда стремится к качественному переводу, что заставляет его, с одной стороны, бережно обходиться с авторским текстом, а с другой, учитывать тот факт, что реципиентом будет представитель другой культуры. Поэтому выбор переводческой стратегии определяется не только стремлением к полной передаче содержательной стороны и к воссозданию в переводе индивидуального своеобразия подлинника, но и особенностями принимающей культуры.

1. Генрих Белль использует прием иронии не только с целью эмоционально-эстетического воздействия на читателя, но и для выражения своего отношения к действительности.

2. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу создания иронии в литературном тексте и ее перевода выявил, что ирония, основывается на столкновении фреймов, активизирующих определенные культурно-обусловленные знания представителей разных культур.

3. Сравнительно-сопоставительный анализ рассказов Г. Белля и их перевода показал, что передача иронического контекста возможна в полном объеме. Однако в некоторых случаях воссоздание иронии ограничено либо лингвистическими факторами, либо экстралингвистическими, когда переводчик сознательно отказывается от иронической интерпретации определенных моделей ситуации действительности.

4. Задача переводчика художественного текста состоит в том, чтобы понять авторский замысел и сделать успешный трансфер в другую культуру. При успешной передаче иронии и в сознании читателя текста – оригинала и в сознании реципиента перевода происходит совпадение иронических моделей ситуации, несмотря на их вербализацию средствами разных языков.

5. Анализ эмпирического материала подтвердил правильность выдвинутой гипотезы: Основной проблемой и сложностью для переводчика является не языковой материал исходного текста, а прежде всего, передача иронического подтекста, так как для ее порождения и понимания требуется привлечение сложных когнитивных структур и процессов.

Результаты данного исследования могут служить основой для дальнейшего изучения когнитивных особенностей текста.

Список литературы

1. Акашева Т.В., Песина С.А., Рахимова Н.М., Землянухина Е.В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.

2. Акашева Т.В., Рахимова Н.М. Невербальная экспликация эмоций в художественном тексте (на примере новелл Т. Манна) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 2. С. 64–71.
3. Бабина Л.В. Языковые средства реализации пародийной информации в тексте литературной прозы: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1996. 18 с.
4. Бёлль Г. Избранное: пер. с нем. М.: Правда, 1987. 576 с.
5. Бёлль Г. Мое печальное лицо: рассказы; на нем. яз. М.: Радуга, 2003. 287 с.
6. Блинова М.П. Ирония как основа повествовательной структуры в литературе немецкого романтизма. Научный журнал Куб ГАУ, 60 (06), 1-10.
7. Боров Ю.Б. О комическом. М.: Искусство, 1957. 232 с.
8. Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М.: Аспект Пресс, 2005. 352 с.
9. Власов М.С., Сычев О.А. Взаимодействие эмоциональных и лингвистических факторов в процессе переработки лексической информации (на материале имен существительных русского языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 18–52.
10. Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. М.: Наука, 1970. 247 с.
11. Гайдуков Т.Т. Принцип иронии в философии Кьеркегора // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 56–71.
12. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153–211.
13. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
14. Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 5–9.
15. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
17. Лосев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1966. С. 54–84.

18. Малинович Ю.М. Онтология языковых форм и онтология смысла коммуникативно значимых единиц // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Минск, 1998. С. 48–50.
19. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
20. Нестерова Н.М., Наугольных, Е.А. Поздеева, Е.В. Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости // Вестник Томского государственного университета. 2016. Филология, № 4 (42). С. 44–58.
21. Петров В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. 1990. №6. С. 102–109.
22. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алетейя, 1997. 282 с.
23. Салихова Н.К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии (на материале англ. и американ. худ. литературы XVIII–XIX вв.): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 23 с.
24. Тарасова И.П. Речевое общение, трактуемое с юмором, но всерьез. М.: Высшая школа, 1992. 173 с.
25. Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 223 с.
26. Фролов Г.А., Хабибуллина Л.Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект // Филология и культура. 2014. №3. С. 187–194.
27. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Emets T.V. Communication of emotions by characters in a flash fiction (based on short stories by Thomas Mann) // SHS Web of Conferences. 2018. T. 50. P. 1006
28. Berg W. Uneigentliches Sprechen: zur Pragmatik und Semantik von Metapher, Metonymie, Ironie, Litotes und rhetorischer Frage. Tübingen: TBL-Verlag Narr, 1978. 167 p.
29. Bibok K. Word Meaning and Lexical Pragmatics // Acta Linguistica Hungarica. 2004. №3-4, pp. 265–308.

30. Bowles H. Analyzing Languages for Specific Purposes Discourse // *The Modern Language Journal*. 2012. Т. 96. SUPPL. 1, pp. 43–58.
31. Cienki A. Cognitive Linguistics, Gesture Studies and Multimodal Communication // *Cognitive Linguistics*. 2016. № 4, pp. 603–618.
32. Divjak D., Levshina, N., Klavan J. Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward // *Cognitive Linguistics*. 2016. № 4, pp. 447–463.
33. Falkum I.L., Vicente, A. Polysemy: Current Perspectives and Approaches // *Lingua*. 2015. Т. 157, pp. 1–16.
34. Glebkin V. Is Conceptual Blending the Key to the Mystery of Human Evolution and Cognition // *Cognitive Linguistics*. 2015. № 1, pp. 95–111.
35. González M., Roseano P., Borràs-Comes, J., Prieto, P. Epistemic and Evidential Marking in Discourse: Effects of Register and Debatability // *Lingua*. 2017. Т. 186–187, pp. 68–87.
36. Koenig J.P., Davis A.R. The Key to Lexical Semantic Representations // *Journal of Linguistics*. 2006. № 1. 108 p.
37. Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A. Semantic Fundamentals of the World and Peace Concept in Different Languages: Contrastive and Phono-semantic Analysis of Russian, English and Chinese languages // *Modern Philology*. 2018. Т. 115. № 4–2, pp. 1067–1080.
38. Lee J., Schallert D.L. Literate Actions, Reading Attitudes, and Reading Achievement: Interconnections across Languages for Adolescent Learners of English in Korea // *The Modern Language Journal*. 2014. Т. 98. № 2, pp. 553–573.
39. Ockel E. Wie Sprach- und Sprech- und Literaturwissenschaft beim Textverstehen zusammenwirken // *Muttersprache*. 1997. № 3, pp. 243–257.
40. Papadopoulou D., Clahsen H. Ambiguity Resolution in Sentence Processing: the Role of Lexical and Contextual Information // *Journal of Linguistics*. 2006. №1, pp. 109–138.
41. Rakhimova N., Akasheva T., Pavlova L., Pulekha I., Vtorushina Y. Linguo-cognitive aspects of irony and its translation (through the example of stories by H. Böll) // *International Journal of Civil Engineering & Technology (IJCIET)*. Т. 9. № 9. 2018, pp. 872–880.
42. Weinrich H. *Linguistik der Lüge*. Heidelberg: Lambert Schneider. 1966. p. 74 p.

References

1. Akasheva T.V., Pesina S.A., Rakhimova N.M., Zemlyanukhina E.V. Kogni-tivnyye strategii interpretatsii intertekstual'nykh vklyucheniy v khudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedeniy E.Elinek) [Cognitive strategies for the interpretation of intertextual inclusions in artistic discourse (based on the work of E. Jelinek)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. no 2(47), pp. 5–10.
2. Akasheva T.V., Rakhimova N.M. Neverbal'naya eksplikatsiya emotsiy v khudozhestvennom tekste (na primere novell T. Manna) [Non-verbal explication of emotions in a literary text (based on short stories by T. Mann)]. *Gumanitarno-pedagogicheskiye issledovaniya*. 2017. Vol. 1. no 2, pp. 64–71.
3. Babina L.V. *Azykovyye sredstva realizatsii parodiy noy informatsii v tekste literaturnoy prozy* [Language means of literary prose actualizing in the text]: Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Moscow, 1996. 18 p.
4. Bëll' G. *Izbrannoye* [The selected works]: per. s nem. Moscow: Pravda, 1987. 576 p.
5. Bëll' G. *Moye pechal'noye litso: rasskazy* [My sad face: stories]; na nem. yaz. Moscow: Raduga, 2003. 287 p.
6. Blinova M. P. Ironiya kak osnova povestvovatel'noy struktury v literature nemetskogo romantizma [Irony as the basis of the narrative structure in the German Romanticism literature]. *Nauchnyy zhurnal Kub GAU*, 60 (06), pp. 1–10.
7. Borev Yu.B. *O komicheskom* [On the comic]. Moscow: Iskusstvo, 1957. 232 p.
8. Botnikova A.B. *Nemetskiy romantizm: dialog khudozhestvennykh form* [German Romanticism: the dialogue of art forms]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 352 p.
9. Vlasov M.S., Sychev O.A. Vzaimodeystviye emotsional'nykh i lingvisticheskikh faktorov v protsesse pererabotki leksicheskoy informatsii (na materiale imen sushchestvitel'nykh russkogo yazyka) [The interaction of emotional and linguistic factors in processing lexical information (as based on nouns of the Russian language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2018. no 52, pp. 18–52.

10. Gaydenko P. P. *Tragediya estetizma* [The tragedy of aestheticism]. Moscow: Nauka, 1970. 247 p.
11. Gaydukov T.T. Printsip ironii v filosofii K'yerkegora [The principle of irony in Kierkegaard's philosophy]. *Voprosy filosofii*. 1970, no 7, pp. 56–71.
12. Deyk van T.A., Kinch, V. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding the coherent text]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vol. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Vol. 23. Cognitive aspects of language]. M., 1988, pp. 153–211.
13. Deyk van T.A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya*. [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress, 1989. 308 p.
14. Dem'yankov V.Z. O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znaniy [On cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. no 4 (49), pp. 5–9.
15. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [The philosophical theory of value]. St. Petersburg: Petropolis, 1997. 205 p.
16. Kubryakova E.S. *Yazyk i znaniye* [Language and knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 p.
17. Losev A.F. Ironiya antichnaya i romanticheskaya [The irony of the ancient period and romanticism]. *Estetika i iskusstvo* [Aesthetics and art]. Moscow, 1966, pp. 54–84.
18. Malinovich Yu.M. Ontologiya yazykovykh form i ontologiya smysla kommunikativno znachimykh edinit [Ontology of language forms and ontology of the meaning of communicatively significant units]. *Problemy semanticheskogo opisaniya edinit yazyka i rechi* [Problems of semantic description of language and speech units]. Minsk, 1998, pp. 48–50.
19. Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Moscow: Energiya, 1979. 152 p.
20. Nesterova N.M., Naugol'nykh, E.A. Pozdeyeva, E.V. Okkazional'noye slovo kak rezul'tat avtorskogo slovotvorchestva: granitsy perevodimosti [Occasional word as a result of the author's word creation: the limits of translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2016. no 4 (42), pp. 44–58.
21. Petrov V.V. Idei sovremennoy fenomenologii i germenevtiki v lingvisticheskom predstavlenii znaniy [The ideas of modern phenomenology

- and hermeneutics in the linguistic representation of knowledge]. *Voprosy yazykoznaneya*. 1990, no 6, pp. 102–109.
22. Propp V.Ya. *Problemy komizma i smekha* [The problems of the comic and laughter]. St. Petersburg: Aleteyya, 1997. 282 p.
 23. Salikhova N.K. *Yazykovaya priroda i funktsional'naya kharakteristika stilisticheskogo priyema ironii (na materiale angl. i amerikan. khud. literatury XVIII–XIX vv.)* [The linguistic nature and functional characteristics of the stylistic device of irony (on the material of English and American. Art. Literature of the XVIII–XIX)]: Avtoref. dis. ... kand. filol.nauk. Moscow, 1976. 23 p.
 24. Tarasova I.P. *Rechevoye obshcheniye, traktuyemoye s yumorom, no vs'er'yez* [Speech communication, analyzed with humor, albeit seriously]. Moscow: Vysshaya shkola, 1992. 173 p.
 25. Fomicheva Zh.E. *Intertekstual'nost' kak sredstvo voploshcheniya ironii v sovremennom angliyskom romane* [Intertextuality as a means of realizing irony in a modern English novel]: dis. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg: 1992. 223 p.
 26. Frolov G.A., Khabibullina L.F. K smene literaturnykh epokh na Zapade: teoreticheskiy aspekt [To the change of literary epochs in the West: a theoretical aspect]. *Filologiya i kul'tura*. 2014, no 3, pp. 187–194.
 27. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Emets T.V. Communication of Emotions by Characters in a Flash Fiction (Based on Short Stories by Thomas Mann). SHS Web of Conferences. 2018. Vol. 50. P. 1006.
 28. Berg W. *Uneigentliches Sprechen: zur Pragmatik und Semantik von Metapher, Metonymie, Ironie, Litotes und rhetorischer Frage*. Tübingen: TBL-Verlag Narr, 1978. 167 p.
 29. Bibok K. Word Meaning and Lexical Pragmatics. *Acta Linguistica Hungarica*. 2004, no 3-4, pp. 265–308.
 30. Bowles H. Analyzing Languages for Specific Purposes Discourse. *The Modern Language Journal*. 2012. Vol. 96. SUPPL. 1, pp. 43–58.
 31. Cienki A. Cognitive Linguistics, Gesture Studies and Multimodal Communication. *Cognitive Linguistics*. 2016, no 4, pp. 603–618.
 32. Divjak D., Levshina, N., Klavan J. Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward. *Cognitive Linguistics*. 2016. no, pp. 447–463.
 33. Falkum I.L., Vicente A. Polysemy: Current Perspectives and Approaches. *Lingua*. 2015. Vol. 157, pp. 1–16.

34. Glebkin V. Is Conceptual Blending the Key to the Mystery of Human Evolution and Cognition. *Cognitive Linguistics*. 2015. no 1, pp. 95–111.
35. González M., Roseano P., Borràs-Comes, J., Prieto, P. Epistemic and Evidential Marking in Discourse: Effects of Register and Debatability. *Lingua*. 2017. Vol. 186-187, pp. 68–87.
36. Koenig J.P., Davis A.R. The Key to Lexical Semantic Representations. *Journal of Linguistics*. 2006, no 1. 108 p.
37. Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A. Semantic Fundamentals of the World and Peace Concept in Different Languages: Contrastive and Phono-semantic Analysis of Russian, English and Chinese languages. *Modern Philology*. 2018. Vol. 115. no 4–2, pp. 1067–1080.
38. Lee J., Schallert D.L. Literate Actions, Reading Attitudes, and Reading Achievement: Interconnections across Languages for Adolescent Learners of English in Korea. *The Modern Language Journal*. 2014. Vol. 98, no 2, pp. 553–573.
39. Ockel E. Wie Sprach- und Sprech- und Literaturwissenschaft beim Textverstehen zusammenwirken. *Muttersprache*. 1997, no 3, pp. 243–257.
40. Papadopoulou D., Clahsen H. Ambiguity Resolution in Sentence Processing: The Role of Lexical and Contextual Information. *Journal of Linguistics*. 2006, no1, pp. 109–138.
41. Rakhimova N., Akasheva T., Pavlova L., Pulekha I., Vtorushina Y. Linguo-cognitive Aspects of Irony and its Translation (through the example of stories by H. Böll). *International Journal of Civil Engineering & Technology (IJCIET)*. Vol., no 9. 2018, pp. 872–880.
42. Weinrich H. *Linguistik der Lüge*. Heidelberg: Lambert Schneider. 1966. 74 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна, заведующая кафедрой романо-германской филологии и перевода, доцент, кандидат филологических наук

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

*пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000,
Российская Федерация
akasheva.tv@yandex.ru*

Рахимова Нурия Мухаметовна, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, кандидат филологических наук
*ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
nuria_rahimova@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Akasheva Tatiana Valentinovna, head of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation
akasheva.tv@yandex.ru
SPIN-code: 2599-2432
ORCID: 0000-0002-2695-5070
ResearcherID: W-6866-2018
Scopus Author ID: 57189625182*

Rakhimova Nuriya Mukhametovna, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Candidate of Philological Sciences
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation
nuria_rahimova@list.ru
SPIN-code: 3292-6182
ORCID: 0000-0003-2427-0032
ResearcherID: W-4929-2018
Scopus Author ID: 57189616173*